

29

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Лев Толстой как зеркало сексуальной революции

Хиппи, эти вечные дети, оказываются духовной родней яснополянского старца

Татьяна Железняк

Резкая свежесть взгляда на жизнь и непримиримая искренность. Сострадание. Неприятие торгаша во храме, презрение к морали книжников и фарисеев, которую чернь любого социального статуса использует в качестве орудия зла. Таково Евангелие, и таков всерьез исповедующий его граф Лев Толстой. Толстовцы-постники соотносятся с ним примерно так же, как фанаты-хулиганы с Марадоной, но и

ность – ядовитую змею, живущую в его собственной душе.

Слава Толстого всемирна. По свидетельству его жены, в Ясную Поляну однажды приехал (и тут же убыл) почитатель из далекой Америки. Софью Андреевну поразило то, что он приехал, только чтобы поглядеть на Толстого. Поразительно также, что многие простецы в Европе и Америке читают книги Толстого лишь для того, чтобы убедиться в том, насколько хорошо пристрелян голый пистолет фрейдизма.

Иррациональная мощь секса приводила Толстого в не меньший ужас, нежели безысходная власть социального зла

Лев Толстой глух к иррациональной стороне божественной благодати, воспринимая в ней лишь то, что постижимо разумом и подкрепляется логикой.

Ужасаясь при виде творящегося в мире зла, отвергая любую попытку оправдать его, создавал Толстой-писатель свою многостраничную, многожанровую исповедь. Отказываясь от доступной ему осетрины, сохраняя супружескую верность, Толстой-человек писал книги, скорее всего, в надежде, во-первых, подобно принцу Гаутаме облегчить муки сострадания, которое он испытывал, видя, каким грязным животным может сделаться человек, и, во-вторых, исторгнуть, выбросить наружу рев-

Настежь распахнутая душа такого масштаба – большой соблазн для поклонников психоанализа. Тем более что иррациональная мощь секса приводила Толстого в не меньший ужас, нежели безысходная власть социального зла. Лучшие страницы его романов отравлены этим страхом.

...Весенняя ночь. Соловьи. Странные, волнующие звуки с реки, где начался ледоход. Юный Нехлюдов идет к Катюше Масловой, чтобы сломать ей жизнь. Потом он даст ей сто рублей, а потом, десять лет спустя, вознамерится спасти, женившись на ней, каторжанке и проститутке. Когда дело спасения его жертвы возьмет на себя другой человек,

Кажется, он всегда был стариком.

Владимир Войнович. Портрет Л.Н. Толстого

Нехлюдов, скорее всего вопреки воле автора, обнаружит все свое душевное ничтожество, испытывав, во-первых, облегчение и, во-вторых, вялую ревность и смутную обиду, что ему предпочли другого.

Хорошо это или плохо, но сегодня кажется смехотворным моральный постулат позапрошлого века: секс возможен только в рамках освященного церковью брака и только как средство завести наследниками. Отчетливо видя разницу между человеческой моралью и божественной нравственностью, Толстой тем не менее оказывается по одну сторону баррикады со своими противниками. Беллетристически ловко и безжалостно загоняет он под колеса бедную Анну только за то, что она посмела послушаться голоса своего неразумного сердца.

Но так ли оно неразумно, сердце созданной воображением писателя Анны? Толстой не способен изменить не только своей жене, но и жизненной правде, поэтому Вронский оказался живым человеком, а Каренин – сущим мертвяком, оживить которого может разве что магия вуду – мораль социума, который плодит и подпитывает всяческих зомби, в том числе от политики, религии, культуры. Заметим, однако, что, убив Анну за прелюбодействие, великий писатель все же не преподносит читателю Каренина в роли благородного и страдающего мужа, как это сделали бы творцы мильных опер...

Величие и блеск Толстого определяется двумя свойствами – правдивостью безмерно талантливого художника и честностью мощного, оригинального мыслителя. Возможно, если бы Толстой был способен выйти за рамки рационализма, болезнен-

ный конфликт между этими двумя свойствами разрешился бы в великой гармонии, но увя... Именно отсюда передается читателю книга Толстого мука и тоска Толстого, вызывая то негодующий отклик, то мазохистски-истерический восторг фаната.

Толстой считал, что, поскольку все люди равны перед Богом, они обязательно должны признать равенство между собой. Толстой наивно полагает, что если бы у народа была земля, а у власть имущих – совесть, всеобщая жизнь была бы сытой, чистой и праведной. Только не надо думать, что гений не сознавал этой наивности, как не надо думать, что не сознавали ее хиппи, забрасывая цветами полицейских, которые дубинками разгоняли их пестрые шествия.

Дети цветов – духовная родня Толстого. И не только по характеру общественного резонанса, который вызвало в мире их движение – последняя по времени попытка изменить мир к лучшему. Толстого и хиппи объединяет многое. Презрение к существованию потребителей, любому имуществу и любым авторитетам. Страсть к босоногим странствованиям. Неприятие насилия. Жажда всеобщей любви...

Наверное, говорить, что Толстой не умел любить, – кощунство, но истинно то, что великий граф отказывал любви в праве на жизнь за рамками разума – там, где царят отношения, чуждые любви, в том числе и духовной, коммерции. Вот почему так страдал он сам, вот почему заставлял терзаться персонажей своих книг и мучиться близких.

В отличие от веселых и безалаберных детей цветов, с наслаждением целующихся на площадях, Лев Толстой, пропахавший такую мощную борозду

на поле мировой культуры, был совершенно несведущ в живой, идущей не от головы любви. Детская жажда справедливости не искупала в нем эгоизма незрелости, который делал его задиристым и черствым в своем подростковом максимализме и осложнялся неумением выйти за рамки рационалистически выверенных постулатов той самой морали, против которой он с такой яростью воевал. Надежда Толстого на нравственную революцию не оправдалась. Физики сказали бы – отсутствовала критическая масса, а социалисты – массы были не готовы. Сексуальная революция 60-х годов следующего века провалилась по причинам того же рода. Она принесла горькие плоды – промискуитет вместо всеобщей любви, наркоманию и шоу-бизнес вместо новой религии и рок-музыки, глянцевого журнала, стыдливые болезни, шиканье все той же неистребимой черни. Но, кроме горы мусора, она оставила нашим унылым временам красивое воспоминание, какое может оставить погасшая радуга.

Один Бог знает, успеет ли в изничтожаемом враждой и корыстью мире обрести реальную силу любовь – самое молодое из человеческих чувств, ведущее происхождение от благородного материнского инстинкта и витальной мощи сексуального влечения. Толстой, словно родившийся стариком, называл ее похотью, отворачивался от нее в страхе. Вечные же дети, наоборот, придавали ей значение, много большее, нежели она имела. Но, поставленные друг против друга, они, словно святочные зеркала, образуют коридор, открывающий человечеству единственное спасительное направление к бессмертию. ■